

УДК 355.405.7(091)(470.53-25)

С.А. Дианов

ПЕРМСКИЙ ОБЛЛИТ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1939–1945 ГОДЫ)

В статье исследуются структура, кадровый состав и практика деятельности регионального управления Главлита СССР – Пермского областного управления по охране военных и государственных тайн в печати. Обосновывается тезис о том, что в рассматриваемый период практике политико-идеологического контроля цензуры отводилось незначительное место.

Ключевые слова: Главлит, цензура, Пермский обллит, цензоры, политический контроль, государственная тайна.

Региональные отделения Главлита СССР появились на Урале осенью 1922 года. Пермский гублит – Пермское губернское управление по делам литературы и издательства – был учрежден 22 декабря 1922 года. Просуществовало цензурное ведомство сравнительно недолго и было реорганизовано уже в октябре 1923 года [1, с. 13, 17]. В течение последующих 15 лет пермские цензоры находились в структуре Уральского, а затем Свердловского обллита. Следует заметить, что в 1920–1930 годах практике политико-идеологического контроля цензоры уделяли первостепенное значение. Вместе с тем в конце 1930-х годов происходят серьезные изменения как в структуре, так и в содержании деятельности уральской цензуры.

3 октября 1938 года из Свердловской области была выделена как самостоятельный административный субъект Пермская область, переименованная в 1940 году в Молотовскую область [2, с. 57]. Главлит принял решение провести реорганизацию аппарата Свердловского обллита путем выделения части работников в учреждаемый новый цензурный областной орган – Пермский обллит. К 1 января 1938 года список служащих Пермского обллита был готов. В нем значилось 59 человек, призванных осуществлять цензурную работу в 40 районах Пермской области и г. Перми [3, л. 2–4]. Начальником обллита был назначен Александр Маркелович Огибенин, его заместителем стал И.В. Леонтьев, с февраля 1939 года исполнявший обязанности зав. сектором предварительного контроля газет. О работе первого руководителя Пермского обллита известно не много. Предположим, что руководитель Главлита СССР Н.Г. Садчиков имел представление о нем как о толковом и грамотном работнике. Косвенно это подтверждается тем, что Н.Г. Садчиков использовал материалы, предоставляемые Пермским обллитом, для подготовки своих докладных записок в ЦК ВКП (б). В частности, в докладной записке «О кадрах цензуры» от 21 июля 1939 года, составленной на имя Г.М. Маленкова,

Н.Г. Садчиков писал: «Начальник Пермского обллита тов. Огибенин, жалуясь на частые переброски цензурных работников, пишет: *«Во многих случаях замена уполномоченных райкомами партии производилась без ведома и согласия Обллита и даже без приемки и сдачи дел и секретных документов»* [4, л. 103]. Этим примером руководитель Главлита иллюстрировал конфликт интересов между местными партийными инстанциями и органами цензуры.

Летом 1939 года после окончания Пермского педагогического института в обллит трудоустроилась М.Н. Пермякова, имевшая опыт работы в горлите в 1937–1938 годах. Уже 26 июня 1939 года она была утверждена заместителем начальника обллита, сменив И.В. Леонтьева. А в сентябре 1939 года решением бюро Пермского обкома ВКП (б) был отстранен от должности А. М. Огибенин. В документе об отставке, в частности, отмечалось: «Снят с работы... как дискредитировавший себя (морально разложился)» [5, л. 19]. Нам неизвестны подлинные причины его увольнения. Логично предположить, что конфликтуя с парткомами, он стал жертвой доноса. О его дальнейшей судьбе также мало информации. По сведениям краеведа В.М. Ширинкина, в начале Великой Отечественной войны А.М. Огибенин был призван в действующую армию и погиб на фронте [6, с. 21]. Исполнять обязанности начальника обллита стала М.Н. Пермякова.

2 октября 1939 года решением бюро Пермского обкома ВКП (б) М.Н. Пермякова была утверждена в должности начальника Пермобллита [5, л. 9]. На этом посту она проработала почти 12 лет. Три месяца спустя после назначения М.Н. Пермякова подготовила первый отчетный доклад о деятельности пермских цензоров – «Отчет Пермского обллита за 1939 год», отправленный в Главлит 9 января 1940 года [7, л. 1–25]. Один экземпляр поступил в Пермский обком ВКП (б). Заметим, что обллит нуждался в постоянной связи с партийными комитетами, искал поддержку в обкоме ВКП(б). Без влияния и авторитета партийных инстанций работа обллита с редакциями СМИ, типографиями и радиоузлами в буквальном смысле «пробуксовывала», не могла дать ожидаемого цензорами результата. М.Н. Пермякова писала с присущей ей прямотой: «Сотрудники сектора печати обкома товарищи Нелюбин, Петров, Коинов близко интересуются нашей работой и оказывают помощь в разрешении ряда вопросов с редакторами, с директорами типографий... Зато совершенно не интересуется состоянием и условиями нашей работы Пермский горком ВКП(б), хотя работаем в одном здании» [7, л. 14]. По сведениям М.Н. Пермяковой, в ряде районов области парткомы своими решениями мешали обллиту наладить работу уполномоченных. В частности, в Косинском районе секретарь райкома ВКП (б) Зубов единолично принял решение о командировании двух работников райлита в район, после чего дал указание местной редакции опубликовать номер газеты без визы цензора [7, л. 2]. После неоднократных обращений начальника обллита к первому секретарю обкома ВКП(б) Н.И. Гусарову с указаниями на факты злоупотреблений местных чиновников бюро обкома приняло решение о направлении в горкомы и райкомы Пермской области специальных инструктивных писем. Эти письма содержали два требования к секретарям партийных комитетов:

1. Прекратить без санкции Пермского обкома ВКП(б) и Пермобллита смещение и перемещение уполномоченных обллита.

2. Не допускать выхода газет и радиопередач без предварительного цензурского просмотра [7, л. 3].

В своей повседневной работе цензоры постоянно терпели бытовые нужды.

По сведениям, поступившим в обллит, все лето 1939 года уполномоченному обллита в Чусовском районе Брюханову приходилось работать в общем помещении планового отдела местного горсовета. В Кизеловском районе начальник райлита Захаров несколько месяцев ночевал в рабочем кабинете, так как местный горисполком не принимал решение о предоставлении ему жилого помещения. «Квартирный вопрос чрезвычайно трудный в условиях новой области...» – отмечала М.Н. Пермякова. Жилья не имели и работники аппарата управления обллита: зам. начальника С.К. Дегтерев и политредактор А.Г. Пигасова. Своими служебными кабинетами цензоры пользовались в 1939 году бесплатно. Однако уже с ноября 1940 года городские и районные исполкомы Советов своими решениями ввели ежемесячную арендную плату. «Так, в частности, получилось и с обллитом, – писала в отчетном докладе М.Н. Пермякова. – В 1940 году жили в здании горкома ВКП(б) бесплатно, а с 21 ноября нас переселили в другое помещение, руководитель которого предъявил счет за 1 месяц и 10 дней и договор на 1941 год в сумме, неожиданной для нас...» [7, д. 2, л. 2]. Служащие советских учреждений повсеместно отказывались от предложения М.Н. Пермяковой перейти на работу в обллит, мотивируя свой отказ двумя обстоятельствами: большой объем работы в сочетании с «чрезвычайной ответственностью» и низкие ставки оплаты труда по сравнению с зарплатой работников областных газет и даже заводских многотиражек [7, л. 4]. Вопросы обустройства и в дальнейшем не потеряют своей актуальности для пермских цензоров.

Учитывая приведенные выше обстоятельства, отметим, что по состоянию на 1 января 1940 года в аппарате обллита было два вакантных места (должность уполномоченного предварительного контроля по газете «Звезда», должность уполномоченного по Пермскому областному издательству), а в трех районах Пермской области (Коми-Пермяцкий округ, пос. Пашия Чусовского района и Гаинский район) поиск подходящих кандидатур затянулся на неопределенное время. Только в декабре 1939 года были утверждены работники в Чердыни, Кизеле, Краснокамске и Ворошиловске.

Вместе с тем, несмотря на кадровый «голод», Пермский обллит выполнял задачи предварительного и последующего контроля. В целом по области цензурой были охвачены верстки полос 91 газеты (1349, 5 п. л.), в том числе 13 областных и городских, 37 районных, 41 многотиражных, 168 наименований изданий Пермского книжного издательства (702, 5 п.л.), радиопередачи 26 радиоузлов (865 мин радиоэфира), а также продукция нескольких художественных мастерских. Кроме того, в 1939 году цензорами были выданы разрешения на 10 396 наименований так называемой мелкопечатной продукции советских учреждений и

организаций (2 292 п.л.) [7, д. 2, л. 5]. В картотеках обллита были учтены 61 типография и 207 множительных аппаратов, в том числе стеклографы. На учете в обллите состояли 2 973 библиотеки и 400 торговых точек, куда поступали на реализацию книги. По предварительным данным обллита, в фондах библиотек Прикамья находилось 5 млн 820 тыс. книг.

Обратим внимание на конкретные результаты работы пермских цензоров в 1939 году. Всего было сделано 759 вмешательств («вычерков»), из них 410 – нарушение перечня военных тайн, 72 – нарушение перечня экономических тайн, 168 опечаток «политического» значения, в 23 случаях были выявлены искаженные цитаты классиков марксизма-ленинизма и вождей Советского государства и др. [7, л. 6]. Для сравнения, в 1940 году было сделано только 536 вмешательств, среди которых 293 – нарушение перечня военных тайн, 134 – нарушение перечня экономических тайн, 24 случая искажения цитат и 20 опечаток «политического» значения [7, д. 2, л. 5]. Заметим, что в обллите была создана группа последующего контроля, состоящая из трех политредакторов (И.В. Леонтьев, А.П. Соснина, А.Г. Пигасова). Нагрузка на каждого из них, по словам М.Н. Пермяковой, «превышала всякие допустимые нормы» [7, л. 11]. При всем этом в 1939 году при последующем контроле было сделано 370 вычерков. Эта цифра говорит о том, что уполномоченные обллита в городах и районах Пермской области пропускали в печать большую долю материалов, не подлежащих опубликованию и ознакомлению. Также отметим, что в 1939 году обллит не подсчитывал количество «необоснованных» вычерков. Эта практика появится во второй половине 1940 года. Кстати, за 1940 год количество вычерков, сделанных группой последующего контроля, уменьшилось до 122 при 33 случаях необоснованного вмешательства [7, д. 2, л. 7].

Большое количество ошибок, допущенных работниками предварительного контроля, начальник обллита объясняла следующими обстоятельствами. Во-первых, высокая текучесть кадров в райлитах не позволяла руководству обллита оперативно проводить инструктаж и систематически обучать вновь утвержденных работников основам профессии. Только в аппарате управления за 1939 год убыло 15 работников; в районах области стаж работы менее 1 года имели 45 человек [7, л. 2]. Во-вторых, газетно-журнальная продукция центральной печати СССР, ознакомление с которой, несомненно, расширяло политический кругозор цензора, а также служило показателем степени открытости информационной среды, была доступна только «освобожденным» работникам, которых в районах Пермской области насчитывалось всего лишь 12 человек. По сведениям М.Н. Пермяковой, они могли рассчитывать на подписку одной центральной газеты, как правило «Правды», одной областной («Звезда») и журнала «Большевицкая печать». В то же время совместителям (39 чел.) обллит не имел возможности высылать данную печатную продукцию из-за «скромного» финансирования Главлитом этой статьи расходов. Наконец, в-третьих, большое число случаев разглашения военных тайн в печати М.Н. Пермякова объясняла недостаточным

количеством экземпляров «Перечня военных тайн СССР», полученных обллитом от Главлита. В распоряжении обллита было только 5 экземпляров, «вследствие чего мы не смогли обеспечить ряд районов перечнями, где имеются военные объекты» [7, л. 10]. Очевидно, размножить документ с номером Главлита своими силами цензорам не представлялось возможным.

В отчете обллита приводились примеры изъятия сведений, составляющих государственную тайну. Так, в Краснокамске в микрофонном материале для радиопередачи, назначенной в радиоэфир 28 сентября 1939 года, содержались сведения о том, что бойцы и командиры Н-ской части выразили готовность оказать помощь в военной подготовке учащимся городской школы. Уполномоченный обллита увидел в этом нарушение военного перечня, выразившееся в разглашении места расположения воинских частей в городе. По этой же причине в лысьвенской газете «Ударник» были вычеркнуты сведения о выдвижении кандидата в депутаты Пермского областного Совета командира стрелкового корпуса С.И. Поветкина. Запрет распространялся и на любые сведения о локальных вооруженных конфликтах, в которых участвовали советские войска. Из статьи областной газеты «Звезда», посвященной посещению г. Перми Героем Советского Союза П.Е. Пономаревым, были убраны сведения о том, что он участник боев на Халхин-Голе и в сражениях «с самураями на границе МНР был дважды ранен» [7, л. 8]. Из номера кунгурской газеты «Искра» были сняты данные о перевыполнении плана заготовки пушнины, а из заводской газеты «Дзержинец» (г. Пермь) убраны сведения о том, что «инженеры выполняют большую работу по подготовке к выпуску нового вида продукции».

В 1940 году цензоры не допустили к опубликованию объявление «о наборе аэроклубом Осоавиахима пилотов с отрывом от производства», сведения о постройке нового нефтеперегонного завода и его производственных мощностей, планы перевозок водным и железнодорожным транспортом, сведения о характере производства и количестве рабочих на оборонных заводах г. Перми и Пермской области, о месте «дислокации хлорных установок», командировках за границу групп рабочих заводов им. Сталина и им. Дзержинского, а также месте расположения нового военного полигона в г. Перми и др. [7, д. 2, л. 6]. В отчетном докладе за 1940 год М.Н. Пермякова говорила, в частности, о причинах сокращения вычерков. «Если раньше с редакторами не разговаривали, то в этом году по указанию начальника Главлита проводили беседы с ними и знакомили с соответствующими разделами Перечня, – отмечала М.Н. Пермякова. – Кроме того, редакторам в мае 1940 год вручен "Перечень сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной"…» [7, д. 2, л. 6]. Вводились новые формы работы с редакциями газет и коллективами типографий. Самой распространенной стала практика организации обллитом «индивидуальных» бесед с редакторами периодических изданий. Совместно с инструкторами сектора печати обкома ВКП(б) начальник обллита в декабре 1940 года провела совещание для редакторов газет Пермской области. В формате «вопрос-ответ» работники печати получили возможность задать цензору интересующие их во-

просы. По инициативе обллита в 1940 году впервые были проведены встречи руководителей цензуры и представителей журналистской общественности в Березниках, Кизеле и Лысьве. Дважды за год М.Н. Пермякова выступала с докладами на бюро обкома ВКП(б), посвященными вопросам развития издательского дела в регионе.

В Главлите отчетные доклады начальника Пермского обллита за 1939 и 1940 годы получили в целом одобрительные заключения. Пермский обллит за первые два года работы смог занять свою нишу в системе органов регионального управления. Деятельность цензоров не вызывала нареканий партийной элиты области и местных органов госбезопасности. На территории области было расположено большое количество заводов, выпускающих продукцию для военных нужд, дислоцировались воинские части и соединения. В предвоенные годы информация о темпах развития Вооруженных сил СССР представляла собой особо охраняемую государственную тайну. Поэтому в первую очередь служащих обллита хвалили или подвергали жесткой критике именно за сохранность данного рода сведений. Периодически М.Н. Пермякова получала от руководителей ОВЦ Главлита (отдела военной цензуры) инструктивные материалы по охране военных тайн на производстве. Так, в письме полковника А.А. Пузырева от 20 января 1940 года обллиту предписывалось следующее: «Название цехов: "механический", "инструментальный", "транспортный" и другие общераспространенные на многих заводах цеха упоминать в печати можно. Нельзя показывать те цеха, которые своим специфическим названием могут раскрыть характер вырабатываемой военной продукции» [7, л. 26]. В другом письме от 29 января 1941 года зам. начальника Главлита П. Пронин с возмущением констатировал факт наличия 38 случаев разглашения в областной печати сведений, составляющих военную тайну. «О том, что нельзя пропускать сведения в открытой печати о дислокации воинских частей и соединений, должен знать каждый гражданин, а цензор тем более, но, к сожалению, у Вас имеются цензоры, не понимающие простых вещей – факт об авиадивизии возмутительный» [7, д. 2, л. 13]. Данное происшествие случилось в Бардымском районе в середине декабря 1940 года. Последующий контроль показал пропуск уполномоченным обллита Н.Г. Юсуфкуловым в одном из номеров местной газеты статьи, содержащей сведения о дислокации на территории района баз «3-й авиадивизии» [7, д. 2, л. 5]. Цензору был объявлен строгий выговор с предупреждением, а редактор газеты, по словам М.Н. Пермяковой, решением Бардымского райкома ВКП(б) был отстранен от должности с формулировкой «за политические ошибки» [7, д. 2, л. 2]. Заметим, что Н.Г. Юсуфкулов работал в должности начальника райлита с сентября 1938 года и до этого происшествия взысканий не имел [3, л. 2].

Взыскания за различного рода нарушения в работе в 1940 году были применены еще к 24 цензорам. Из них 6 работникам был объявлен выговор за «медленные» темпы по изъятию литературы из библиотек, еще 3 работникам – за нарушение инструкции по секретному делопроизводству. Выговор с предупрежде-

нием получил и работник аппарата управления обллита П.В. Новиков («за искажение Приказа Президиума Верховного Совета»). Не обошлось и без курьезов. Двум цензорам М.П. Черных-Найдановой и Ю. Коневой (г. Молотов) выговоры объявил не только обллит, но и Ленинский райком ВКП(б) с занесением в личное дело члена партии за «помещение фотографии Герцена в газете «Локомотив» вместо Ф. Энгельса». Видимо, и с опытными цензорами временами происходили необъяснимые происшествия. Вместе с тем попытка обллита привлечь к юридической ответственности двух директоров районных типографий за опубликование материалов без визы цензора не увенчалась успехом. Прокуратура не нашла в их действиях состава правонарушения [7, д. 2, л. 2].

Благодарности за успешный труд на цензурном поприще были объявлены 23 пермским цензорам, из них 17 человек было поощрено за ликвидацию «запущенности по изъятию враждебной литературы». В библиотеках и книжных магазинах Молотовской области цензоры изъяли за три квартала 1940 года свыше 297 тыс. книг [7, д. 2, л. 8]. В заключение отметим, что М.Н. Пермякова в 1940 году дважды ездила в Москву, в Главлит, где побывала на приеме у Н.Г. Садчикова и А.А. Пузырева. Результаты командировок, по ее словам, способствовали более глубокому пониманию «некоторых вопросов» цензуры [7, д. 2, л. 11].

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для органов Главлита. Только за первые полгода войны кадровый состав Главлита сменился на 80 %, работники цензуры уходили на фронт. Как и во всех учреждениях страны, в центральном аппарате Главлита и в крайобллитах шла перестройка работы на военный лад. Приказами уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита № 700 от 7 октября 1941 года и № 184 от 17 апреля 1942 года в Главлите были созданы группа самозащиты, звено связи и охраны порядка, пожарное и восстановительно-аварийное звено, санитарное звено и другие подразделения [8, с. 289].

В первые дни войны численность работников аппарата управления Молотовского обллита составляла 14 человек. В районах Молотовской области цензурную работу вели 52 уполномоченных, из них штатных («освобожденных») – 11 человек [7, д. 2, л. 1]. Накануне войны пермские цензоры периодически призывались на военные сборы, проходили военную подготовку. Вместе с тем в коллективе цензоров мало кто предполагал, что очень скоро придется оставить работу и пойти добровольцем на фронт.

25 июня 1941 года по Молотовскому обллиту был издан приказ № 36, согласно которому из отпуска в срочном порядке были отозваны работники Управления И.В. Леонтьев и П.В. Новиков, а также уполномоченные в районах Н.Н. Колыванов (Лысьва), М. Хабибуллин (Кизел). Первые трагические дни войны показали насущную потребность в добровольцах. Уже в июне заявления с просьбой отправить на фронт подали пять человек: С.И. Тиунов (Верещагино), Г.К. Федотов (Нытва), П.А. Пискунов (Чернушка), Денисов (Кудымкар) и Игошев (Уинское). Первые трое имели стаж работы с момента создания обллита – с

октября 1938 года. За ними в июле 1941 года на фронт ушли еще 11 человек, а именно: зам. начальника обллита С.К. Дегтерев, политредатор обллита А.А. Трясцин, уполномоченные в районах П.В. Новиков (Пермско-Ильинский), И.М. Кузнецов (Фокинский), Елохов (Краснокамский), Арапов, Гагарин, Тюфяков, Ипполитов, Кривошеков и Шиловский. До конца 1941 года в действующую армию были призваны еще 48 человек, среди которых политредатор обллита И.В. Леонтьев, а также Н.Г. Юсуфкулов (Барда), В.П. Погадаев (Кишерть), Ф.М. Попов (Кизел), А.К. Безденев (Частые), П.Ф. Мехоношин (Кудымкар) и др. Всего в 1941 году на фронт ушли 64 пермских цензора [6, с. 23].

Перед начальником обллита М.Н. Пермяковой стояла непростая задача: быстро и оперативно находить замену сотрудникам, уходившим на фронт. Ей удалось сохранить кадровый костяк аппарата управления. Бок о бок с ней работали С.И. Костарев – зав. спецчастью (секретное делопроизводство), А.Г. Пигасова – политредатор группы последующего контроля, Е.Л. Гуревич – уполномоченный обллита по изъятию литературы, М.П. Черных-Найданова (Ясакова) – уполномоченный обллита по областной газете «Звезда». В районах области за первые два военных года состав уполномоченных обновился почти на 90%, все они выполняли эту работу по совместительству, за исключением тех людей, которые занимали должности цензоров в крупных городах области (Березники, Соликамск, Кизел, Губаха, Лысьва). Спустя 40 лет после описываемых событий работник Пермского обллита Л.Г. Битюцкая, готовясь к 60-летнему юбилею органов Главлита, написала небольшой реферат о своих коллегах военных лет. В частности, она отметила: «В цензуру приходили новые сотрудники, не владеющие цензорским делом. Но сотрудники, в большинстве случаев коммунисты, политически подготовленные и имеющие достаточное общее образование, понимали цену малейшей ошибки и трудились с полной отдачей своих сил...» [9, с. 3]. Оптимистичный взгляд на прошлое можно понять. Вернувшись к будням военного времени, мы увидим не столь позитивную картину.

Уже 26 мая 1942 года Главлит издал приказ № 270, в котором деятельность крайобллитов по подбору и воспитанию кадров цензуры подверглась жесткой критике. Подавляющая часть цензоров-совместителей была признана профессионально непригодной. В частности, в приказе Главлита говорилось: «Такие сотрудники слабо знают перечни и дополнения к ним, не изучают инструкции и информационные письма, недостаточно повышают свой идейно-политический и общекультурный уровень...» [8, с. 290]. В приказе были перечислены областные управления, где работа с подготовкой кадров была поставлена особенно плохо; в частности, названы ближайшие соседи пермяков – Главлит Башкирской АССР, Новосибирский крайлит.

Молотовский обллит не попал в «черный» список. Однако, судя по содержанию отчетных докладов о работе Молотовского обллита за 1941–1945 годы, чувствуется тревога автора за коллектив работников. «У нас в обллите кадры по образованию и общему политическому кругозору недостаточно сильны, не имеют специ-

ального литературного образования...» – признавалась М.Н. Пермякова [7, д. 4; л. 15]. Не придавал уверенности и рост количества вычерков и необоснованных вмешательств цензоров. Так, если в 1942 году в материалах областной и районной печати цензоры нашли 372 случая разглашения гостайн, то в 1943 году – уже 524 случая, число же необоснованных вмешательств выросло с 30 до 56. В 1944 году этот показатель пошел на спад, однако, судя по содержанию вмешательств, можно говорить о нервозности, боязни цензоров, выражающихся в стремлении скорее не допустить сведения в печать, чем, непредвзято разобравшись, пропустить. Ярким примером, иллюстрирующим это явление, может служить ситуация с контролем микрофонного материала для радиопередач в Кунгурском районе. В тексте выступления секретаря районной комсомольской организации, в частности, говорилось: *«Каждый просверленный винтик, каждая хорошо отточенная деталь, без брака проведенная операция – это частица того большого снаряда, которым разят на фронте немецко-фашистских бандитов...»*.

В этом предложении уполномоченный обллита Голованов усмотрел нарушение перечня военных тайн и вычеркнул последнюю фразу. В итоге получился такой вариант: *«Каждый просверленный винтик, каждая хорошо отточенная деталь, без брака проведенная операция...»* [7, д. 4; л. 17].

Последующий контроль в обллите пропустил этот вычерк. По словам самой М.Н. Пермяковой, она посчитала действия Голованова «вполне обоснованными». Однако при последующем контроле в Главлите данный вычерк был признан необоснованным, и в адрес обллита поступило соответствующее заключение. За 1944 год специалисты Главлита еще четыре раза уличили в излишнем усердии пермских цензоров. В частности, работник аппарата управления обллита Х.М. Залманова в материале для газеты «Звезда» убрала сведения о количестве населения Юго-Камского района: «10 тысяч жителей поселка Югокамский...» [7, д. 4; л. 18]. Видимо, такой показатель, как численность населения в районах области не был отнесен к разряду экономических или военных тайн.

Вместе с тем следует признать, что пермские цензоры проводили действительно большую работу по защите военно-экономических тайн от разглашения в СМИ и радиовещании. На территории области размещались эвакуированные объекты оборонной промышленности, пермские заводы увеличивали объемы выпуска военной продукции (артиллерийские орудия, снаряды, каски, химические вещества, бумага и т.д.). В отчете обллита за 1943 год, в частности, говорилось: «В 1943 году в области построены и пущены ряд заводов, открыты новые месторождения угля и нефти. Строятся судоверфи, железные дороги, но многое из этого нового по экономике области не освещается в открытой печати...» [7, д. 3; л. 4]. О напряженной работе работников аппарата обллита говорит их нагрузка. Так, три цензора (М.П. Черных-Найданова, А.Г. Пигасова, Х.М. Залманова) вели предварительный контроль материалов 10 газет («Звезда», «Локомотив», «Ударник», «Сталинская путевка» и др.), полугодовая верстка которых составляла 672 п.л. Они же осуществляли весь

последующий контроль: 79 городских и районных газет, ежемесячный объем материалов которых превышал 524 п.л. [7, д. 5; л. 1]. При этом М.П. Черных-Найданова с середины 1943 года исполняла обязанности начальника секретной части обллита, а А.Г. Пигасова в 1942–1943 годах была заместителем начальника облита и в отсутствие М.Н. Пермяковой замещала руководителя. Трудовые будни своих работников начальник облита характеризовала примерно так: «Цензору в районе 2–3 часов ночи приносят газету на подпись в печать. Спросонья, при слабом свете он многое может не заметить... Все цензоры жалуются, что обносились, а промтоваров не получают, особенно обижаются на низкую зарплату» [7, д. 4; л. 8].

Периодически проводя в обллите процедуру аттестации кадрового состава, М.Н. Пермякова писала характеристики на цензоров. В нашем распоряжении имеются две выдержки из характеристик на М.П. Черных-Найданову. Первая от 23 сентября 1941 года: «Гов. Черных исключительно внимательно читает поступившие материалы, проявляет бдительность и предупредила ряд серьезных разглашений в печати. Задания начальника выполняет своевременно и качественно. Нормы читки за август выполнила на 157 % и 171 номер по мелко-печатной продукции» [7, д. 144; л. 34]. Вторая от 12 марта 1943 года: «К работе относится добросовестно. За период войны существенных разглашений гостайн не пропустила. За два месяца, с 15 декабря 1942 года по 15 февраля 1943 года, предупредила разглашения в семи случаях». В другой характеристике, датированной 23 января 1945 года, предстает образ Н.Н. Колыванова, зам. начальника обллита в 1943–1945 годах: «За период войны предотвратил ряд ошибок и разглашений гостайн в печати. Работает, не считаясь со временем» [9, с. 4]. Ниже приведены случаи из цензурной практики работников обллита.

В многотиражной газете «Камский бумажник» (выпуск № 15 от 14 октября 1944 года) был размещен текст приказа по Краснокамскому бумкомбинату, в котором содержались сведения о превышении производственного плана выпуска продукции «на 1022 тысячи рублей, в том числе 4 % спеццеллюлозы». Цензор И. Комская произвела вычерк данных о «спеццеллюлозе», так как это вещество являлось сырьем для производства пороха.

В тексте приказа военкомата Сталинского района г. Молотова о всеобщем военном обучении призывников седьмой очереди Н.Н. Колыванов вычеркнул сведения о трех военных заводах, размещенных на территории города.

Из микрофонного материала для радиопередачи, назначенной в эфир 9 декабря 1944 года, представляющего собой текст речи директора завода им. Кирова, М.Н. Пермякова вычеркнула абзац «на базе завода им. Кирова (№ 98) в короткий срок закончилось строительство нового мощного военного завода».

Х.М. Залманова предложила редактору газеты «Звезда» в материале от 17 ноября 1944 года (№ 225) переделать заголовок статьи «Боевые машины сверх плана для 40 воинских частей», а из ее текста убрать предложение о том, что «завод на 15 ноября 1944 года вооружил 40 воинских частей боевыми машинами сверх плана».

В целом только за 1944 год цензоры произвели 95 изъятий наименований 28 заводов, выпускающих военную продукцию, 4 складов Наркомата обороны и ВМФ СССР, а в 44 случаях были вычеркнуты фамилии администрации военных предприятий. Иллюстрируя эти и другие факты в отчете обллита за 1944 год, М.Н. Пермякова подводила адресата к мысли: «Такие сведения, безусловно, не могли не привлечь внимание неприятельской разведки» [7, д. 4; л. 7–8]. Казалось бы, какой враг сможет пробраться в местность, находящуюся за тысячи километров от линии фронта, но мы видим, что о шпионаже цензор знала не понаслышке.

Кроме деятельности по защите военных тайн пермские цензоры вели работу по искоренению опечаток и искажений «политико-идеологического» характера. В номере газеты «Сталинец» г. Кизела от 8 ноября 1944 года последующим контролем было обнаружено искажение сути приказа Верховного Главнокомандующего: *«Советские удары Красной Армии и англо-американских войск по гитлеровской Германии...»*.

Обллит признал словосочетание «советские удары» грубейшим искажением приказа И.В. Сталина. «Пока что английские войска далеко не советские, если у них поднимается рука стрелять в греческих партизан. Исправлено на "совместные" удары...» – писала начальник обллита.

В № 49 от 18 декабря 1944 года газеты «На посту», органа политотдела управления милиции УНКВД, в статье «27 лет ВЧК-ОГПУ-НКВД» цензоры обнаружили следующую опечатку: *«В дни Великой Отечественной войны советского народа против банды фашистских захватчиков НКВД, руководимый сталинским наркомом тов. Берия, выкорчевывает и уничтожает агентов фашистских разведок, шпионов и диверсантов, помогая Красной Армии добивать ненавистного врага...»*.

По словам начальника обллита, из-за неправильного построения предложения запятая оказалась не на том месте и получилась «контрреволюционная» фраза [7, д. 4; л. 8]. Редактору объявили выговор.

Кроме своих прямых обязанностей М.Н. Пермякова и ее подчиненные считали возможным вмешиваться и в содержание самих материалов статей, заметок, а также в «вопросы верстки». В данном случае цензоры заходили на поле сектора печати Молотовского обкома ВКП(б). Считаем нужным привести пример от первого лица – М.Н. Пермяковой: «Вот конкретный случай. В многотиражной газете «Стахановец» (завод № 260) № 8 за 26 июня 1944 года (отв. ред. Шатохин) на первой полосе напечатано «Три года Отечественной войны Советского Союза». На второй полосе дано пять отрицательных статей и заметок: причем охаяно все руководство завода, партийные и профсоюзные организации, начальники цехов, хозяйственники.

«Коллектив завода своевременно не был мобилизован на снижение себестоимости ни со стороны руководства завода, ни со стороны партийных и профсоюзных организаций...» – читаем мы в одной заметке, и ниже. – *«Начальники цехов не ведут борьбы с браком. Многие хозяйственники желают получить экономию, не затратив труда и времени»*.

Получилось, что виноваты все и никто конкретно, так как фамилий газета избегает. Перерасход по укупорке на 86 тыс. рублей по заводу, перерасход металла на 400 тысяч рублей, убытки от брака и т.д. и т.п. – пестрит в этих заметках. Я спросила редакцию:

– Что же, есть у вас на заводе передовые цеха и начальники цехов, которые не имеют брака, сэкономили материалы, выполнили программу за квартал? Неужели у вас на заводе нет хороших рабочих, стахановцев?

– Есть, – отвечает представитель редакции.

– Так почему бы их не показать в таком номере, когда вы печатаете об успехах Красной Армии? Ведь рабочие тыла помогают Красной Армии.

Далее разъясняю, что критика в газете должна быть, и очень крепкая, но конкретная, а не вообще. В данном случае лучше было сделать подборку из положительных заметок...»[7, д. 4; л. 9].

Стремление доказать безыдейность авторского материала, выставить редакцию газеты политически «близорукой» давало обллиту ряд преимуществ. Во-первых, постоянно показывать властям региона свою компетентность и незаменимость в деле освещения СМИ нужных событий и достижений. Так, например относительно вопроса «о чем писать», М.Н. Пермякова, ссылаясь на «большую поддержку» работников сектора печати обкома партии, говорила журналистам прямо: о единстве фронта и тыла, об ударной работе пермских «стахановцев» и т.д. Во-вторых, обллит мог использовать этот ресурс в борьбе со строптивыми редакциями газет. В отчетах цензурного ведомства неоднократно освещался вопрос о конфликтах с редакторами, авторами статей. В частности, довольно активно вели себя работники редакции «Звезды», требуя от цензоров не задерживать материалы номера к выпуску в свет [7, д. 4; л. 18]. Вполне уместно говорить и о субъективных качествах руководителя обллита. Историко-педагогическое образование в сочетании с твердо усвоенными принципами коммунистической этики не позволяли пройти мимо материалов экспрессивного характера.

В годы войны пермские цензоры контролировали книжную торговлю на территории области. Совместно с сотрудниками УНКВД уполномоченный обллита Е.Л. Гуревич проводила кампании по проверке книжного фонда букинистического магазина г. Молотова. Только в 1943 году из продажи было изъято 29 книг согласно алфавитному перечню присланному Главлитом [7, д. 3; л. боб.]. В 1944 году обллит разрешил к демонстрации 11 выставок, в первом полугодии 1945 года – еще четыре, среди которых по тематике «27 лет Красной Армии» (50 экспонатов), «75 лет со дня рождения В.И. Ленина» (73 экспоната), «Урал – кузница оружия» (286 экспонатов). Среди других объектов «изопродукции», прошедших предварительную цензуру, назовем так называемые агитокна, плакаты, детские книжки-картинки и т.д. [7, д. 5; л. 3].

В середине войны отток кадров на фронт продолжился. В марте 1943 года аппарат управления покинул С.И. Костарев. Примечательно, что С.И. Костарев воевал в составе в 62-й Гвардейской танковой Молотовской бригады Уральского

добровольческого танкового корпуса в должности заведующего секретным делом-производством. За боевые заслуги С.И. Костарев был награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За взятие Берлина» и «За освобождение Праги» [7, оп. 2; д. 87, л. 20об.]. Демобилизовавшись в декабре 1945 года, он вернулся в обллит на свою прежнюю должность заведующего секретной частью обллита. Кстати, после демобилизации в 1948 году восстановился в должности уполномоченного обллита и А.А. Трясцин.

Подбор людей в обллит велся лично М.Н. Пермяковой. Нельзя не отдать должное ее профессионализму. В конце июня 1943 года из Лысьвенского района в аппарат управления был переведен Н.Н. Колыванов. С 1 июля 1943 года он стал заместителем начальника обллита [7, оп. 2; д. 83; л. 22]. В обллите Н.Н. Колыванов проработает без малого 20 лет и выйдет на пенсию в 1962 году. Его главным профессиональным делом в годы войны был контроль за деятельностью 15 городских и 58 районных типографий. Спустя два года после войны М.Н. Пермякова с удовлетворением отметит: «К цензорской работе относится с любовью... К руководящей работе способен. Навел порядок в типографиях» [7, Оп. 2, д. 83, л. 23].

Последний доклад о результатах работы Молотовского обллита в период войны М.Н. Пермякова представила в Главлит 23 июня 1945 года. К этому времени заслуги начальника обллита и ее коллег были отмечены. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года М.Н. Пермякова была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Список литературы

1. Дианов С.А. Уральская цензура в лицах. Политическая цензура на Урале в 1920–1930-е гг. / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2011.
2. Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии. – Вып. 1. – Пермь, 1994.
3. ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3. Д. 16.
4. ГАРФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 10.
5. ПермГАНИ. Ф. 195. Оп. 243. Д. 1879.
6. Ширинкин В.М. О цензуре без тайн (К истории управления по охране государственных тайн в печати при Пермском облисполкоме) // История организаций, предприятий и учреждений в документах: тезисы круглого стола. – Вып. 2. – Пермь, 2004.
7. ГАПК. Ф. Р-1156. Оп. 3. Д. 1.
8. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. – М., 2009.
9. Битюцкая Л.Г. Цензура в годы войны. – Пермь, 1982. – 5 с.

Получено 17.01.2014

S.A. Dianov

PERM OBLIT ON THE EVE OF AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1939–1945)

The structure, personnel and activity of regional administration of the USSR Glavlit, namely Perm regional agency of military and state secret protection in press have been studied in the article. It is substantiated that political and ideological control of censorship was paid little attention to during the considered period.

Keywords: Glavlit, censorship, Perm oblit (Regional Literature Administration), censors, political control, the state secret.